

Виктор Мазоха

"По барабану!"

16+

Виктор Владимирович Мазоха

По барабану!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31677192

SelfPub; 2018

Аннотация

«Мальчик пишет на заборе неприличное слово из пятнадцати букв. На каждые три буквы он тратит по семьдесят сантиметров длины забора. Поместится ли на заборе неприличное слово, если вся длина его три метра шестнадцать сантиметров?»— Ну это уж совсем ни в какие ворота! – возмутился Степан Григорьевич. – Однако интересно, что же это за неприличное слово из пятнадцати букв?

Содержание

Лечиться, уважаемая, лечиться!	4
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Лечиться, уважаемая, лечиться!

Леонард Кошкин до недавнего времени смотрел на мир сквозь розовые очки. Эти очки, надо сказать, прекрасная вещь. Ни серости, ни убогости перед глазами не замечаешь. Висят они себе на носу, словно лапша на ушах.

Но однажды – всегда что-то происходит в нашей жизни впервые – пришло к нему на утренней прогулке озарение. И спала розовая пелена с глаз Кошкина, словно утренний туман рассеялся. Как все произошло, он сейчас уже и не вспомнит. Да кому надо знать такие подробности? Важно другое обстоятельство: после столь серьезной утраты, Леонард стал сам не свой.

В общем, вернувшись с прогулки, и застав супругу сидящей возле телевизора, Кошкин переменялся в лице.

– Выключи этот «ящик»! – заявил с порога Леонард своей супруге. – Как ты только можешь все это смотреть?

– С чего бы это? – вскинула брови Элеонора Матвеевна. – По ящику, как ты его назвал, идет мой любимый сериал «Бедные тоже смеются». Кстати, и твой – тоже... Вполне приличная мелодрама.

– А я говорю: выключи! Нашла, тоже мне, мелодраму. Это – дерьмо. Много дерьма. Запомни дорогая: бедные смеются только тогда, когда богатые плачут.

– Так давай, переключим, – супруга нехотя потянулась за пультом. Таким злым и решительным мужа она еще не видела.

– Не надо! И там – дерьмо.

Элеонора Матвеевна уже не на шутку испугалась. С большой тревогой, подняв свое грузное тело с мягкого кресла, она потянула руку к его лбу.

– Ты Леонард, наверное, переутомился. Может, пойдем, погуляем? Подышим свежим воздухом...

– Свежим воздухом? – с иронией спросил супруг. – Да ты выйди и увидишь, что вокруг нет никакого свежего воздуха, лишь сплошной смрад. Дышать нечем. Все «с голодухи» нахватались машин, загнали себя в долговую кабалу и думают богатыми стали. Дураки.

Если сказать, что Элеонора испугалась, будет совершенной неправдой. Она была в ужасе. «Горячка! Белая горячка! – подумала она и решила, что в данной ситуации его лучше не расстраивать, а то еще в окно прыгать станет. – Но откуда прицепилась к нему эта зараза?»

– Не волнуйся, Леонард. Мы дышать не будем. Просто погуляем.

– Как это не дышать? – удивился Кошкин. – Я тебе что – человек в скафандре?

Кое-как уговорила. Вышли они из дома, прогуливаются возле подъезда, как ни в чем не бывало. Кошкин успокоился вроде. Элеонора Матвеевна тоже в себя приходит стала.

«Слава богу, отошел, – подумала она. – А я, уже было, его чуть за сумасшедшего не приняла».

– Давно мы вот так не гуляли, – вздохнула супруга, держа Леонарда под ручку. – А помнишь, как в молодости?..

Не успела она договорить о прекрасных, давно минувших годах, как навстречу им, покручивая ключами на пальце, вышел сосед по лестничной площадке Вольф Сергеевич Пузанов.

«Улыбается. Жизнью своею доволен, – подумал, глядя на него, Кошкин. – «Мерседес» его сверкает на солнышке. В кармане деньги из кармана топорщатся – те, что рабочим своим задолжал и отдавать не хочет».

– Здравствуйте Леонард Сергеевич и Элеонора Матвеевна! – широко расплываясь в улыбке, произнес Пузанов и руку главе семейства протянул. – Как ваше драгоценное здоровье?»

Леонард прежде всегда учтиво тряс огромную руку за два больших пальца, а сейчас поморщился и демонстративно отвернулся.

– Что случилось Леон? – недовольно спросила супруга, когда Пузанов ушел, пожав плечами. – Нехорошо как-то вышло...

– А мне плевать! Или ты хочешь, чтобы я руки о дерьмо вымазал?

– Вольф – уважаемый человек! Что ты такое несешь?

– Не увидел я человека, – брезгливо поморщился Кошкин.

Прогулка была испорчена.

– Что с тобой происходит? – спросила супруга Кошкина, когда они вернулись домой.

– Со мной? – он удивленно вскинул брови. – Со мной ничего не происходит. А вот с вами – это еще вопрос.

– С кем это с «вами»?

– С вами со всеми. Ходите сонные, розовые очки напялили, и ничего дальше своего носа не видите. Ты вот рассказыки сочиняешь, стишки разные пописываешь про лютики–цветочки. А рассказыки–то у тебя – дерьмо. От жизни оторванные. Ты выход из этого тупика, в котором мы живем, покажи. А то цветочки...

Элеонора чуть в обморок не упала. Заплакала. Наплакавшись, вздохнула. «Ничего, – утешила она саму себя, – это болезненное состояние у него временное. Переутомился, наверное».

Но, к сожалению супруги, состояние дорогого ей человека не улучшилось ни через день, ни через два. Напротив, болезнь, что называется, прогрессировала.

И стал Леонард просто невыносимым. Досаждал супругу (и не только ее) каждый раз и по каждому поводу. Ко всему происходящему у него негативное восприятие выявлялось.

Отправились они как–то прогуляться на майском воздухе. Вышли на городскую площадь. Это как раз на Первомайские праздники получилось. Народ ликует, пиво пьет, а Кошкин недовольство скорчил:

– Выдумали, понимаешь, праздник весны и труда! Прозрейте, люди! – крикнул он в толпу. – Где вы увидели праздник труда? У нас в городе половина населения – беднота и безработные. Это не праздник! – крикнул он еще раз, и тут же пояснил, стоящему возле него мужчине: – Где вы видите праздник труда? Я лично вижу праздник капитала.

И так, и в таком же духе, на все у него имелось свое мнение. Его даже били, сажали на пятнадцать суток, а он никак не мог держать язык за зубами: что видел вокруг себя плохого, а ему много чего плохого виделось, то и поливал всяческими нехорошими словами.

В общем, однажды жена не вытерпела. Не имея больше сил и терпения смотреть на страдания супруга, решила сводить его к психиатру Ивану Ивановичу Чудикову. Что оказалось делом нелегким. Пришлось для этого всеми правдами и неправдами заманивать его к знатоку человеческих душ. Но, в конце концов, у нее все получилось.

Очередь была большой. Но все когда–нибудь проходит. Дверь открылась и молоденькая медсестра, помощница Ивана Ивановича громко позвала:

– Кошкина!

Но никто не отозвался. Элеонора Матвеевна забыла, что записалась на прием под своим именем, да и Леонарду сказала, что именно ей нужно провериться по поводу нервных недомоганий. А иначе просто нельзя было заманить его в кабинет к психиатру.

– Кошкина есть? – еще раз позвала медсестра.

Тут Элеонора Матвеевна и сам Кошкин опомнились.

– Мы здесь, – сказала она и взяла супруга, как маленького ребенка за руку, решительно потащила за собой.

– Мне–то, зачем идти с тобой? – воспротивился Кошкин. – Я ни на что не жалуюсь.

– Пойдем, дорогой, а то мне без тебя страшно, – умоляющим голосом попросила супруга. – Ты только посидишь, послушаешь, что скажет доктор. Да и вообще, вдруг меня не выпустят, а напрямиком – в психушку.

Последние слова подействовали, и он согласился.

– На что жалуемся? – доктор Чудиков провел молоточком у переносицы Элеоноры Матвеевны.

– Да я, собственно...

– Так, так, – доктор стал водить молоточком от одного глаза женщины к другому, отчего бедная Элеонора Матвеевна прикрыла их руками.

– Не надо так волноваться, – сказал Чудиков. – Это всего лишь стандартные процедуры.

Не успела она прийти в себя от «молоточка», как доктор уже достал из стола фотографии членов правительства. Почему именно их? Да потому, что каких–нибудь неизвестных бандитов с большой дороги, или артистов показывать он, исходя из практики, понял, не имело смысла. На артистов, как правило, смотрели пациенты с вожделением, на преступников – с ужасом. Здесь другое дело. Члены правительства во-

площали и первых и вторых, но ассоциации вызывали правильные у здоровых пациентов.

– А сейчас посмотрите на эти фотографии, – сказал он. – Внимательно посмотрите и ответьте мне: какие возникают ассоциации?

– Доктор, – Кошкина даже не взглянула на лежащие перед ней фотографии, знакомых по телевизору министров – Я бы хотела с вами поговорить наедине...

– Конечно, конечно, поговорим. Мы с Вами обо всем поговорим обстоятельно. Так какие ассоциации?

– Фу-у, – тяжело выдохнула Элеонора Матвеевна, беря одну за другой фотографии. Она так расстроилась, что забыла, что такое ассоциации. Но тут же собралась и выпалила: – Демократия... Свобода... Полные прилавки...

Доктор скривил губы в едва уловимой ухмылке, а Кошкин, все это время молча и с интересом наблюдавший за происходящим, вскипел:

– Дура! Какие «полные прилавки»? Ты посмотри на цены! А что Эти с селом сделали... – он показал на фотографии: – О-о! Ну и дура!

– Интересно, интересно... – доктор перевел взгляд на Кошкина. – Мне еще не доводилось встречать человека с такими ассоциациями.

Кошкина вздохнула: все разрешилось само собой. Чудиков теперь был полностью поглощен ее мужем. Она молча наблюдала за их оживленной беседой. Они говорили о внеш-

ней и внутренней политике и еще много о том, в чем Элеонора Матвеевна, к глубокому ее сожалению разбиралась очень слабо.

Наконец, доктор опомнился и обратился к пациентке:

– Вот, уважаемая, ваш муж вполне здоровый человек. А вам не мешало бы подлечиться. Ассоциации у вас нездоровые... На лицо неадекватное восприятие реальности. Все видите в розовых тонах. Не хочу вас пугать, но это довольно-таки серьезное нервное расстройство, которое может стать хроническим и перерасти в тяжелые формы, вплоть до полной потери рассудка.

– И что же делать?

– Лечиться, уважаемая, лечиться! И незамедлительно!

Инвалид

Потемнело. И тут же стекла в вагоне заплакали; словно туш с влажных ресниц, потекли ручейки грязи по окну, возле которого сидел Олег Метелкин; поезд, тяжело вздохнув, медленно поплыл вдоль перрона. А дождь сильнее застучал в окна, «запузырился» в лужах на асфальте. Олег наблюдал за всем этим безучастно. В душе его было темно, и в этой темноте искали выход черные кошки, которые скребли его изнутри безжалостно. Ему хотелось выговориться, но сосед, молодой мужчина лет тридцати, мрачный и молчаливый, своим видом не очень располагал к беседе.

– У вас не будет спичек? – все же спросил Метелкин, на-

деясь таким образом завязать разговор, хотя спички у него были.

– Я не курю, – ответил сосед и отвернулся к окну.

Еще Метелкину хотелось выпить. Он всегда пил в поезде, для этих целей, чтобы не привлекать внимание пассажиров и особенно проводников, в кармане у него стояла плоская железная фляжка. Сейчас она была пуста. И в кармане осталось всего несколько копеек.

Метелкин вздохнул. «Надо сходить в тамбур, покурить», – решил он и поднялся.

Поезд набирал ход и раскачивался из стороны в сторону, отчего ему приходилось хвататься руками за все, что попало на пути. Наконец, он открыл двери тамбура, оттуда пахло прохладой и табаком.

Двое парней, лет двадцати, в черных ветровках, пили вино, шумно разговаривая между собой. Один был высокого роста, широкий в плечах и держал бутылку, другой, что пониже – стакан. Метелкин встал у окна и закурил, жадно глядя на бутылку в руках у парня.

– Ну, что, еще по маленькой? – спросил высокий парень, обращаясь к товарищу.

– Давай, – ответил он и подставил стакан.

Метелкин надеялся, что предложат и ему, такое иногда случалось, но парни, не замечали его, увлеченные беседой. И он не выдержал.

– Ребята, извините...

– Чего тебе? – спросил высокий парень.

– Еще раз прошу, извините, можно мне хоть глоток, ребята? – Он с мольбою глядел на парня, который держал бутылку. – Болею страшно. Да еще, вот, после развода еду... совсем муторно на душе.

– Чего?

– Можно, хоть маленький глоток?

– А этого ты не хочешь? – парень одной рукой взял его за воротник, а другой ударил в живот. – Вали отсюда, не мешай разговаривать.

Больно не было. Было обидно.

Через несколько минут поезд прибыл на станцию.

Городок жил своими заботами. Несмотря на оживление, царившее на его улицах, Олегу Метелкину все казалось унылым и мрачным. А ведь каких-то десять лет назад, этот город сулил ему большие надежды.

Метелкин остановился возле огромной церкви и, подняв голову, несколько минут смотрел на блестящие, на осеннем солнце золотые купола, в надежде получить успокоение. Строить ее начали в лихолетье, когда рушились один за другим предприятия, закрывались детские сады, школы. Она долго стояла без куполов. А сейчас, когда их водрузили на законное место, церковь была видна почти из каждого самого дальнего уголка города.

В груди защемило. А теперь куда? Впереди Олег увидел идущую по тротуару женщину, со спины она была похожа

на мать; как ему в эти минуты захотелось поговорить с ней, рассказать о себе, послушать ее тихий нежный голос. Сколько бы добрых и хороших слов он сказал бы сейчас матери! Но она умерла несколько лет назад. К отцу идти не хотелось. Отец сошелся с другой женщиной, и взрослый сын, как он говорил всем, «пьяница и бездельник», ему в доме не нужен.

Друга, к которому можно было бы обратиться в тяжелую минуту, в этом городе он не имел. Пройдя еще несколько метров, Метелкин остановился на перекрестке. И тут он вспомнил о давнем знакомом. «За перекрестком, чуть дальше и правее, должен быть переулок, в котором живет Сергей Колесов. Как же я забыл о нем?»

И он, недолго думая, повернул направо, предаваясь по пути грустным воспоминаниям...

В городской газете, куда Олег устроился сразу после армии, жизнь кипела на всю катушку, выходила она четыре раза в неделю, и надо было заполнять ее свежим материалом. Олег занимал должность корреспондента сельхозотдела. Должность «разъездная», приходилось почти каждый день на редакционном «Уазике» выезжать в села района за свежим материалом. Набирал его всегда с запасом и все, что привозил, буквально шло с колес.

В тот день Олег находился в редакции, материала из поездок накопилось достаточно, нужно было «отписываться».

Ближе к обеду в кабинет буквально влетел ответственный секретарь газеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.